

## Глава 2. Даже на 3000-ом признании

— Поздравляю вас с поступлением!

Я слышал, как кто-то крикнул недалеко. Взглянув в этом направлении, я увидел, как несколько членов команды регби собрались вокруг одного из поступивших учеников и подкинули его в воздух. В кругу регбистов была девушка в спортивной форме (возможно, менеджер?), которая подняла руки над своей головой и аплодировала новому ученику.

Я был у доски объявления поступивших в старшую школу Карима. Это правда, что результаты можно найти в интернете, и это было быстрее и требовало меньше усилий, чтобы найти их, но, несмотря на это, собралось немало учащихся, чтобы увидеть имена, перечисленные на доске объявлений, желая увидеть официальные Результаты на бумаге.

Над мной были лепестки сакуры, только начинавшие цвести, а по ту сторону был холодный воздух раннего марта и раскрашенное небо.

Я посмотрел на доску объявлений сразу же узнав мой номер тестирования.

Затем я обратился к ученице, которая неподалёку раздавала листовки, и спросил:

— Извините. Могу ли я взять... одну из них?

— Ты допущенный ученик?

— Ага.

— Поздравляю! Эй народ, тут ещё один допущенный ученик!

— Подожди, эм...

— Поздравляю ещё раз!

Да, в конце концов, Нацуки, Сю и я выбрали старшую школу Карима.

Девушка... красивая девушка, неуверенно спросила меня, слегка наклонилась и посмотрела на меня.

— Ты идёшь или нет?

Это были мои варианты.

Золотой топор или серебряный топор.

Поскольку я был просто обычным учащимся средней школы, когда на меня выпадал выбор, на у меня не было выбора, кроме как выбрать одно или другое. Один голос в моей голове настаивал на том, что я не должен давать этой старшекласснице пользоваться тем, что меня подловили, но другой посоветовал, что, так как я всё равно собираюсь сюда пойти, было бы в моих интересах немного расширяться и устанавливать связи.

Собирался ли я идти или нет?

Золотой топор или серебряный топор?

Я должен расширяться.

Мой ответ вышел почти шёпотом.

— ...Я пойду.

— Хорошо! Один на крючке!

Паренёк из старшей школы, подозвал меня и сказал мне, что около 10 человек уже собралось в семейном ресторанчике неподалёку.

После того, как мне сказали присесть и слушаться, я нашёл стакан апельсинового сока, выставленный передо мной.

— Пей сколько хочешь. Я угощаю.

Паренёк сел рядом со мной в дружелюбно манере и набросился на меня с вопросами: «Как тебя зовут? Из какой ты школы?», — явно удовлетворяя себя всё это время. Я кивал и улыбался, медленно потягивая мой сок.

Образно говоря, я задавался вопросом, какой цвет топора у меня сейчас есть.

Подняв глаза, я оглянулся на других учеников, которые явно были среднеклассниками. Как и я, они были поступившими учениками на путь становления первогодок в начале апреля. Были те, кто трясся, дрожал, и те, кто делал смелые поступки; было ясно, что никто из нас ещё не

бывал в такой ситуации.

— Нет, не совсем.

— Хм? Ты что-то сказал?

— Нет, ничего.

Это было тогда, когда я заметил, что сборище этих учеников было не таким уж сплочённым, как другие, которых я видел до сих пор.

— В каком вы клубе?

— В каком я? В этом семестре у ресторана будет специальное предложение на чаепитие.

— А регби?

— Ха-а, что ещё за чёртово регби. Я не с этими парнями из объявлений о допуске. Я состою в Сезонно-спортивном клубе, ну в смысле, летом — теннис, а зимой — катание на лыжах.

Я думал о том, чтобы просто остаться в том же клубе, в котором я состоял во время средней школе, но было больше разнообразия в клубах, чем я себе представлял. Я никогда не слышал о клубе, где вы могли бы заниматься теннисом и кататься на лыжах.

Старшая школа, безусловно, формировалась, для становления совершенно нового опыта.

И я собирался стать, как эти ученики.

И вот так, миновал следующий час с пустой болтовнёй.

— Эй, сэмпай, это нечестно.

Красивая-девушка-та-самая-которая-неуверенно-спросила-меня, и с которой я разговаривал ранее, не стала слишком незаметно входить в семейный ресторан. Её непослушные волосы отражали её экстравагантность, и даже более того, её большие глаза и длинные ресницы приковывали внимание. Её внешний вид привлекал внимание людей, и она это знала. Если бы она подала свой голос, к ней обратились бы все взгляды. Таким образом, тон её голоса, и каждый небольшой жест должны были быть точно рассчитаны.

Она плюхнулась рядом со мной и заказала себе стакан неалкогольного вина (это что вообще такое?).

— Эй, какая средняя школа?

— Я пришёл из средней Сасаяма.

— Я из средней Центральной Накасато.

— А, ну понятно.

— Эй, брось с этим формальным общением.

— Но ты мой сэмпай.

На мгновение она выглядела озадаченной, а затем открыла рот и выпустила большой-пребольшой смех.

— Неа, я просто ещё один поступивший учащийся. Я с самого начала поступила за счёт рекомендации, и я закончила тем, что просто слонялась вокруг школы, ничегошеньки не делая, поэтому член того клуба пришёл сюда и заговорил со мной.

О-о, так она того же возраста, что и я. Моё беспокойство растаяло. Я изменил своё сидячее положение, и вместо того, чтобы расправить плечи, я несильно вздохнул. Я приподнял взгляд немного выше. Девушка, которая, впрочем, как и я была моей одноклассницей, была всего-навсего старшеклассницей.

— Меня зовут Риса. А тебя?

— Хасидатэ Юто.

— Юто, хех. У тебя есть девушка?

Она с самого начала отбросила формальности и использовала моё имя.

Уверен, это отличается от средней школы. За три года обучения в средней школе я встретил одну девушку, которая звала меня по имени. Я всегда считал, что это норма, но, придя в старшую школу, появилась эта девушка, которая заговорила со мной, словно мы были закадычными друзьями. Сказать, что я был удивлён — это ничего не сказать.

Я совсем не был в восторге от этого. В конце концов, эта девушка Риса, видимо, не поможет мне в достижении моего идеала совершенства.

Она поступила по рекомендации, поэтому она слонялась вокруг школы? И клуб того парня

втянул её к ним? Не говоря уже о том, что она красотка?

Сомнений нет, она уже встречалась с некоторым сэмпаями.

Я во второй раз осмотрел семейный ресторан. Это он? Может быть, он?

Если бы я согласился на такой полноценный образ жизни, это было бы ужасным оскорблением моей прекрасной жизни до сего момента.

... Ну, пожалуй, не буду выходить из роли на некоторое время, просто хочется посмотреть, что из этого получится.

— Окей, как думаешь, эта моя девушка?

— У тебя её нет. Ты похож на мрачного типа.

— Что угодно, не мрачный, а яркий. Я популярен, знаешь ли.

— Лже-е-е-ец. Это полная ложь. Тебе не нужно надевать маску, знаешь ли. Расскажи старшей сестрёнке правду.

— В этом даже нет смысла.

— Эй, я родилась в апреле. Я старше всех в моём классе, точнее большинства.

— Ась, апрель?

— Во-вторых. В начальной школе я всегда была первой в списке.

— Апрель значит, ничего себе, это примерно в начале учебного года. Я никогда не встречал таких людей.

— И это правда, я клянусь. Во всяком случае, у тебя есть девушка? Да ладно, поболтай.

— Заткнись.

По какой-то причине, это было весело.

Я сам был поражён тем, с какой скоростью я выговаривал неожиданные вещи.

Это довольно-таки мило, подумал я, оставаясь раскрепощённым, чтобы вести беседу, не заставляя себя беспокоиться о вещах, таких как небольшие изменения в выражении лица или нюансах. Непринуждённые разговоры были приятны.

— ... Я должен воспарять духом на вступительных экзаменах в колледж.

Риса не пропустила то что я сказал со вздохом.

— Хм-м? Не говорите мне, что ты один из тех, кто еле поступил, невзирая на снижение требований?

— Погоди, вообще-то не совсем...

Мой телефон зазвучал глубоко в моём кармане. SMS. Когда я увидел содержимое, я с облегчением ответил.

— Твоя девушка?

— Неа.

Во всяком случае, пока ещё нет.

— Мама?

— Тоже не она... я должен вернуться домой.

Я встал. Риса посмотрела на меня с удивлением, расписанным на её лице.

— Что случилось? У тебя есть то, что тебе нужно сделать?

— ... Разговаривая с тобой, я отклонился от пути к совершенству. Увидимся.

Я схватил свою сумку и вышел из ресторана. Мне никогда не удастся повернуться и увидеть выражение, которое было у Рисы, в тот момент, когда она смотрела, как я ухожу.

Было кое-то, что требовало моего ухода.

В SMS говорилось: «Я тоже прошла».

И именно поэтому я должен был пойти к месту жительства отправителя этого текста.

... .. То есть к Нацуки.

Было кое-то, что я хотел сказать ей, если мы оба поступим в школу.

В этот момент я отправил SMS моему брату. Ранее я обсуждал с ним, что я собирался сделать.

"У тебя всё будет хорошо. Двигайся вперёд и не теряй свой путь."

У меня было одобрительное сообщение моего брата.

Я подумал, что это придало мне сил.

Мой дом был в городе под названием Хатиодзи, который был в часе езды на поезде от центральной части города. Он не был ни в прибрежной, ни в горной местности; просто маленький сельский город, расположенный в пригороде. Центром жизни Хатиодзи была Станция Хатиодзи.

Назначенным местом встречи с Нацуки был главный вестибюль Станции Хатиодзи. По обеим сторонам рельс проходила эстакада, тянувшаяся с севера на юг, которая была превращена в главный вестибюль, а посередине был фонтан и скамейка, которые часто использовались в качестве места для встреч.

Он был примерно в десяти минутах ходьбы от моего места до станции.

Это был путь, который я использовал бы для своей поездки в старшую школу.

Перейдя через перекрёсток, я поднялся по лестнице, ведущей к внутренней части станции. Поскольку станция только что была перестроена, всё оборудование было из новейших моделей. Наконец, у подножия лестницы было красивое витражное стекло.

Перед тем как добраться к переделанной станцией от северной стороны к южной стороне, нужно было пройти по узкому подземному переходу; поскольку сейчас на втором этаже была площадка для турникетов, можно было просто пересечь главный вестибюль с одной стороны на другую.

Станция была оживлённой. Для буднего дня, это была довольно-таки весома́я толпа людей.

Моё беспокойство нарастало в шумной толпе людей. Глубоко вдохни. Ты должен успокоиться. Стремись к совершенству.

Я приставил монетку к торговому автомату для напитков расположенному в центре вестибюля. Ну быстрее, я попытался и неуклюже повертел монетой. Со звоном, монета укатилась под автомат.

Глубоко вдохни. Не время волноваться по пустякам. Я имею в виду, это всего лишь сто иен.

Я должен, по крайней мере хотя бы вставить монету и получить свой чёрный кофе.

Я вздохнул и поднял банку к губам.

Я медленно пошёл к фонтану. Нацуки ещё здесь не было.

Внезапно, холодный ветер охватил вестибюль. В конце концов, было ещё начало марта.

Когда назначенное время в 3 часа приблизилось, я увидел, как Нацуки направляется ко мне. По дороге, её руки были загнаны в карманы её пальто, а ещё она пристально смотрела на землю, казалось, ей не приятен холод.

— Нацуки!

Она подняла голову. Проведя всю нашу среднюю школу вместе, где-то вдоль этой череды мы начали звать друг друга по нашим именам.

— О, Юто! Поздравляю тебя с поступлением в старшую школу!

— А, ага. Ты тоже, Нацуки.

— Спасибо! Тогда мы снова будем вместе в старшей школе.

Тот факт, что Нацуки тоже заметила, что мы были друзьями со времён начальной школы, подняло моё блаженство до невероятных высот.

— Очень жаль. Должно быть, судьба.

— Я рада, что Сю тоже прошёл.

— У Сю есть мозги, конечно же, он прошёл.

— Юто, в конце концов ты остановился на старшей школе Карима, да?

— Я ничего не мог с этим поделать, учитель сказал мне, что я никогда не попаду на Восточную Кувахара.

Не было никаких шансов, чтобы меня могли туда принять, так что я просто подал заявление туда, где мы могли собраться вместе.

— Ой. Ну, всё получилось хорошо, не так ли? Юто, ты единственный, кто пошёл в ту же самую школу со мной начиная с начальной школы.

Ах, так Нацуки считает меня исключительным, наверное. Я бы сказал, это то, что они называли бы «совпадением небес».

Сейчас, для кого-то, кто стремился к совершенству, цель не заключалась пойти в старшую школу вместе с ней, но в данном случае это было важной предпосылкой. В конце концов, я должен быть в состоянии исправиться на случай, если мне будет тяжело попасть в колледж, и что ещё более важно, я должен продолжить работать, имея прекрасную жизнь в старшей школе вместе с нею и другими. Я это сильно понимал.

После того, как Нацуки уселась на скамейку, я подошёл сделать то же самое. Мы сидели, одинаково уставившись в направлении турникетов.

Люди, которые прошли через турникеты, были проглочены лестницей, тянущейся в платформы. В противоположном направлении шли те, кто спешил с поезда и поднимался по ступеням... офисный планктон, домохозяйки с сумками, начальники... и среднеклассники по дороге домой из школы, молодые бизнес-леди сжимали свои большие чемоданы. У молодой пары, на их пути, было какое-то забавное выражение. Тут действительно было необычное разнообразие людей, которые пользовались станцией.

Пока мы смотрели на турникеты время шло.

О чём думала Нацуки? Возможно, то же самое, о чём думаю я?

Мои колени начали зудеть, и моё сердце начало биться быстрее.

Если Нацуки встанет и уйдёт, все мои шансы будут потеряны. Мой идеальный план рухнет.

Я трижды медленно вдохнул и открыл рот.

— Эм...

— Хм?

— Эм, ну, Нацуки... ты мне нравишься.

Я сказал это. Каким-то образом.

Неважно, насколько человек практикуется, признание — это нервотрёпка. Спросите кого-нибудь из числа тех, кто был тысячи лет назад или что-то ещё, они скажут то же самое.

Нацуки немного взмахнула ногами и собралась с духом, затем встала со скамейки. Она повернулась, её взгляд повернулся от турникета, чтобы встретиться с моим.

— Юто, я считаю тебя очень хорошим другом. Мы были вместе со школы, начиная с начальной школы, вплоть до того, что добрались до высоких результатов в старшей школе. Я не хочу, чтобы то, что я скажу, было неверно истолковано, или заставит тебя думать обо мне что-либо, что это неправда, поэтому я не буду смягчать мои слова. Прости... Я никогда не смогу с тобой встречаться, Юто.

Никогда не сможет... Никогда не сможет встречаться со мной...

Это были слова, которые я никогда не думал, что услышу.

Всего секунду назад, очки моей жизни заставляли меня работать изо всех сил. Я думал, что у меня всё в порядке на пути к совершенству.

— Извини, мне нужно куда-то отойти.

Нацуки встала со скамейки и подняла сумку, затем направилась к южному выходу.

Я не мог заставить себя бежать за ней. В конце концов, это было бесполезно, подумал я.

Звук её шагов унёс ветер. Ветер, который мгновение назад носил намёки на весну и хорошие мысли, пронзил мою одежду холодом.

После этого первого признания я ничего не мог сделать.

Через 15 минут после душераздирающего признания. В семейном ресторанчике расположенном напротив Станции Хатиодзи.

У меня была комната на четырёх человек. На столе были напитки, гамбургер, грибы в японском стиле, пицца Маргарита и рыбное ассорти на гриле Сузуки. Ну, даже подвергнув изложению, думаю, что не было никакого другого способа описать моё текущее состояние кроме как «пить по-чёрному». Даже незнакомец, просто взглянув на этот стол, мог сказать, что я напиваюсь... это было так просто, прямо как действительность и безоговорочная очевидность того, что я напивался.

Просто, подумал я.

Я признался подруге детства, которую так долго любил, и получил отказ. Это был простой поступок поедания, чтобы отвлечь меня от боли.

... .. Как будто я мог просто отвлечься от этой боли.

Я думал, что в этом марафоне я набираю очки. Конечно, у меня были небольшие промахи, но никаких больших неудач. Поэтому, естественно, я думал, что моё признание пройдёт гладко.

Я вонзил свою вилку в желток яичницы поверх моего гамбургера, поднеся конец вилки с желтком, который испускал аромат и изменился в цвете, тогда как он смешался с мясным соусом. Затем я закинулся мясом и съел его.

Так вкусно. И горько. И больно.

Я пытался успокоиться, но у меня в животе был бунт. Ну, может быть, теперь, когда мой желудок полон, если я снова признаюсь, она передумает. Поскольку не похоже, что отсутствие привязанности ко мне отражалось на её лице.

Пф-ф, да кого я обманываю, она же сказала: «Я никогда не смогу с тобой встречаться», — не так ли?

Это был факт.

Хм... погодите-ка.

Рука, держащая вилку, остановилась по среди укуса. Мысль вкралась мне в голову... может быть, просто...

Нацуки видела во мне кого-то особенного. Это было ясно. Она сама сказала, что я единственный, кто был на её стороне начиная с начальной школы. И мы даже вместе занимались для школьных проходных экзаменов.

Естественно, у неё были бы фантазии. Например, что, если я стану её парнем.

Таким образом, она пришла к выводу, что она «никогда не смогла». Ну, может быть, моя проблема была в чём-то, что произошло до того, как она сформировала такой вывод.

Во всяком случае, это было возможно.

Тогда получается, не означает ли это то, что у меня был один из ста, один из тысячи, один из трёх тысяч шансов на успех?

И учитывая, что есть какой-то шанс, не означает ли это, что если я попытаюсь снова и снова, и снова, в конце концов, я получу согласие?

Перезагрузка была тем, что выбирала ещё одну возможность из всех доступных возможностей. Я бы не смог воплотить это самостоятельно, но, поскольку была такая возможность, я бы ожидал, что как-нибудь по ходу дела, моё желание сбудется.

Я вытащил кнопку перезагрузки из своей сумки и без колебаний нажал на неё.

— Перегрузка. Мир дрогнул.

Подтвердив своё признание в старшей школе, я пришёл кратчайшим путём до станции.

Я сидел на скамейке, ожидая Нацуки. Что мне делать? Как я должен признаться, чтобы не быть отвергнутым?

У меня в голове пробежали все имеющиеся варианты, и, когда мои слова всё ещё пролетали в моей голове, я заметил, как Нацуки приближается и подбежал к ней.

Реакция Нацуки на моё быстрое и внезапное приближение заставило её сделать несколько шагов назад.

— Ты мне нравишься, Нацуки!

— Э? А? Э... э... извини. Я никогда не смогу встречаться с тобой, Юто.

— Перегрузка. Мир дрогнул.

— Нацуки, я хочу, чтобы ты успокоилась и выслушала меня.

— Хорошо.

— Ты мне очень нравишься.

— ... Прости. Не думаю, что смогу когда-нибудь встречаться с тобой.

— Перегрузка.

Я нырнул в фонтан. Когда вода капала с моих волос и все взгляды сосредоточились на мне, я повернулся к Нацуки и крикнул:

— Ты действительно нравишься мне!!

— Извини, я не могу встречаться с тобой.

— Перегрузка.

Я купил букет гвоздик в цветочном киоске в вестибюле.

— Нацуки, ты красивее, чем эти цветы. Я хочу встречаться с тобой.

— Извини, я никогда не смогу встречаться с тобой.

— Перегрузка.

Я сделал свой ход прямо в лоб. Я схватил обе руки Нацуки своими собственными, произнес низким голосом:

— Я люблю тебя. Встречайся со мной.

— Нет, я не могу этого сделать.

— Перегрузка.

— Нацуки!

— Извини!

— Перегрузка.

— Перегрузка.

— Перегрузка.

— Перегрузка. Перегрузка.

— Перегрузка. Перегрузка. Перегрузка.

— Перегрузка. Перегрузка. Перегрузка.

... .. Перегрузка... .. Перегрузка... ..

Даже на 3000-ом признании ответ оставался: «Я никогда не смогу встречаться с тобой».

Всего-навсего был неизменный факт, что между нами была огромная пропасть, которую я никогда не смогу пересечь, независимо от того, насколько я смело пытался.

Другими словами,

— Я не её типаж.

Не её типаж... не её типаж, мда уж...

Вот как это было.

Я в очередной раз сидел в семейном ресторанчике, напиваясь.

Я буйно вонзил вилку в ассорти из жареной рыбы Сузуки. Я знал, что это грубо, но я просто так устал от всего. Я ловко отделил кусочек белой плоти кончиком вилки и собиралась запихнуть его себе в рот.

— Желаете?

Я не слышал этого голоса в течение долгого времени. Лицо, которому оно принадлежало, появилось на виду, мир снова превратился в монохромный, и Маки-тян появилась в кресле напротив меня.

— Хм, разве не слишком много желаний? — Маки-тян опёрла подбородок на руки, глядя на меня раздражённым выражением, которое было внутри её глаз.

— Ты всё это видела?

— Всё.

Удручённый, я продолжал втягивать в себя рыбу. Поскольку вкус был сильным, вместе с ним я зачерпнул немного риса.

— Фофеву ыи ве вожеф офтавить вевя у фокое?

— А?

Мои слова не могли вырваться из моего рта, потому как он был набит едой. Я проглотил её с

помощью воды и заговорил.

— Я сказал, почему ты не можешь оставить меня в покое?

— Сейчас-сейчас, я пришла сюда, потому что я беспокоилась о тебе. Не нужно быть таким холодным.

Маки-тян сжала губы в недоумении, затем потянулась и выдернула из моей тарелки мясо по-французски, съев его только передними зубами.

— Эй, не бери еду, не спрашивая.

— Успокойся, это всего лишь мяско.

— Я думал, что смогу добиться идеальной жизни, всего лишь перезагружая, и я не знаю, сколько раз я это делал, всё же некоторые вещи оставались невозможными, и у меня никогда не будет идеальной жизни. Ты должна протянуть мне руку.

— Просто потому, что твоя жизнь перезагружается, это не обязательно означает, что сердца других перезагружены.

— Ага, я знаю... Ну, я понял это... Но разве невозможно, что в бесконечных возможностях есть хотя бы один шанс на успех? Не могла бы ты дать мне подсказку, найти правильный выбор, знаешь ли?

— Э-э-э... — пробормотала Маки-тян, сложив руки. Конечно, она всё ещё была занята мясом. Потерпев поражение, я подтолкнул к ней картошку фри.

— Возможности бесконечны, это да, но шансы, которые ты получишь, ограничены.

Маки-тян выглядела так, будто она изо всех сил пыталась выбрать между разговором со мной и поеданием картошки фри. Она набросилась на неё, изредка кивая головой, чтобы показать, насколько она восхитительна. Это разозлило меня.

— Юто, я думаю, тебе следовало бы подумать ещё немного, прежде чем принимать решения.

— Чёрт, говоришь, что я не думаю прежде чем делаю их?

— Ну, что-то типа того. Во всяком случае, помощи не будет. Ты так сильно загадал желание, в те дни, когда ты обоссался и хотел начать всё сначала, так что...

— Прекращай говорить об этом! Не говоря уже о том, я здесь ем!

Было немного раздражающе, что Маки-тян должна была быть единственным человеком во вселенной, которая знала о моих обсосанных штанах.

— Юто, я уже говорила тебе об этом раньше, но знаешь, перезагрузка твоей жизни по сути является не чем иным, как отключением твоих воспоминаний. Не забывай об этом.

— И когда я спросил о том, что случилось с моими воспоминаниями, ты сказала мне, что ничего приблизительно в них не изменится, я их не забуду.

— Не похоже, что я точно знаю, что с тобой произойдёт. Если ты просто используешь эту вещь волей-неволей, они могут закончиться тогда, когда они тебе будут нужны, ты знаешь?

— Эй, я смотрю в будущее. Прошое существует для того, чтобы сделать будущее идеальным. Поэтому, если мы должны жертвовать прошлым ради будущего, то пусть будет так. Я до сих пор был идеальным и должен поддерживать эту аккуратность.

Без предупреждения Маки-тян сложила руки и подняла их над своей головой, а затем опустила на поверхность стола. Таблица была разделена на две части, и из образовавшейся трещины вырвались бесчисленные карты. Она подняла руки в воздухе, ловко развеивала карты размахивая ими в воздухе. Она выделила одну из карт, передвинув её на луч света, выходящего из окна.

— Ты помнишь это?

Она изображала меня с моих дней начальной школы.

Там я был на грани слёз, потому что я не мог закончить с морковью на моём школьном обеденном перерыве. Думается мне, что прежде чем пойти играть я должен был закончить свой обед. Тогда, в начальной школе, Нацуки подошла и съела мою морковку ради меня, и мы вместе играли в школьном дворе на оставшуюся часть обеденного перерыва с некоторыми другими одноклассниками. Мы выглядели такими счастливыми.

— Ты помнишь?

— Помню ли я или нет, это странно. Этого никогда бы не происходило. Я никогда не был плох в поедании морковки. Я ел их, как и любой нормальный ребёнок. Я никогда бы не оставил их в моём школьном обеде. Я имею в виду, что конечно же, тогда мне потребовалось много времени, чтобы съесть обед. Но я съел всё, что мне полагалось, а затем пошёл и поиграл со всеми.

Маки-тян дала победный вздох и собрала все карты, аккуратно собрав их в колоду и положив

на стол.

— Это воспоминания, которые ты утратил, — она повернула карты, давая понять очевидную толщину колоды. — Знаешь, их уже много, ты уже потерял много воспоминаний.

Забыл? Невозможно.

Она держала колоду между большим и указательным пальцами. Они были в толщину прямо как пять колод по пятьдесят две карты вместе взятые.

— Что ты имеешь в виду, забыл? Я совсем не изменился, верно?

Я пытался вспомнить, забыл ли я что-нибудь. Если бы я действительно был плох в поедании морковки, когда был маленьким, и мне помогла Нацуки, если всё это правда и действительно произошло, у меня должны, по крайней мере, иметься воспоминания об этом.

Но неважно, насколько сильно я ломал свою голову, даже самый маленький фрагмент воспоминаний не приходил на ум.

Я выхватил карты из рук Маки-тян и поднял их, одну за другой, к свету. Да, человек на картах был, конечно, я собственной персоной, но это было так, как будто я смотрел на совершенно другого человека; такой Юто, я никогда не знал, что делал вещи, которые я никогда не делал. Не было ни одной карты, которая звонила бы в колокольчик.

Может быть, в то время как я стремился к совершенству, и продолжал твердить о том, как будущее было важно, я сделал некоторые вещи с последствиями, которые нельзя было отменить...

— Ты не совсем ошибаешься в этом. Однако выбор, который ты делаешь, так же важен, как и воспоминания, которые ты потерял. Когда придёт время, чтобы ты принял действительно важное решение, позаботься, чтобы не вступить на путь, о котором ты пожалеешь.

Маки-тян читала мне лекцию в то же время кушая ещё одно мясо. В какой-то момент она добавила петрушку к картошке, сделав их немного более очаровательными. Она сложила руки вместе и помолилась...

— Спасибо за еду...

Было ли это уместно для неё, чтобы быть настолько почтительной в таком месте, как это?

— То, чего ты желал, было «исправить это», и я просто предоставила это желание. Кнопка — это инструмент, который ты используешь для этой цели, но тот, что решает, позволяет ли

перезагрузка тебе двигаться дальше или навсегда застрять колесу это ты, Юто.

Маки-тян отодвинула от меня карты и перетасовала их в великолепном шоу ловкости, а затем один раз хлопнула в ладоши. Колода карт растворилась в воздухе.

— Юто, ты действительно этого желаешь?

— Да.

— В самом деле? Тогда ты двинешься дальше или останешься, застряв?

Ты бросишь золотой топор или серебряный? Или это...?

Я должен был сделать выбор. Чтобы двигаться дальше или оставаться. Я должен был решить, чего бы я хотел, от чего бы я отказался, что я хотел получить, что бы я отбросил.

— Маки-тян, ты...

— Эй, посмотри на улицу. Для тебя открыт совершенно новый выбор.

Услышав это, я повернул голову в монохромный мир снаружи. Как только я позволил себе взглянуть на мир, он вернулся к своему старому красочному я. Я быстро обернулся, но Маки-тян уже исчезла.

Недавно отремонтированная зона для посещения Станции Хатиодзи также должна была служить местом эвакуации в случае чрезвычайной ситуации. Люди эвакуировались бы к месту и ставни на северном и южном воротах закроются.

Я видел, как люди ютились за ставнями. Возможно, пожар? Нет, дыма нигде не было.

Секунды спустя, пожарная машина и полицейский автомобиль подъехали и припарковались перед вокзалом, визжали сирены. Однако ставни не показывали никаких признаков подъема, и пожарные не собирались въезжать на станцию.

Я остановил сотрудника ресторана, когда он проходил мимо моего стола и спросил его, что происходит, но он тоже был полностью без понятия.

Без сомнения, что-то случилось, но что? Я не мог понять.

Мой телефон завибрировал, уведомив меня о новом SMS. Это была девушка, которая только что бросила меня... ну, мы даже не встречались, поэтому вы вряд ли могли бы назвать это

«бросить» ... ладно, это не тот пример «бросить», который я имел в виду изначально... это была Нацуки.

Тема: Похоже, мы оказались в ловушке

Ставни внезапно опустились и все застряли в вестибюле. Ты снаружи?

Я подумал, что будет быстрее поговорить с ней, поэтому я набрал её номер, но вызов не соединялся. У меня не было выбора, кроме как ответить по SMS.

"Я снаружи. Здесь настоящий переполох. Полиция здесь, но они, похоже, не могут попасть внутрь."

Нацуки возможно и отвергла меня, но она по-прежнему важна для меня. Я мог бы как-то помочь, подумал я, и направился к станции.

Я расплатился за свой счёт, и ко всему прочему, выйдя из здания, меня окружила толпа людей. Я медленно пробирался сквозь толпу к станции, только чтобы быть остановлен полицией.

— Там мой друг.

— В настоящее время полиция и пожарные делают всё возможное, чтобы урегулировать ситуацию. Пожалуйста, отойдите.

Смирено отступив, когда мне сказали из полиции, расстроило меня, но я выбрался из толпы.

Должен был быть другой способ добраться до Нацуки.

Между мной и вестибюлем была высокая стена, и я не думал, что смогу перелезть через неё. Для того, чтобы пробраться внутрь станции, я должен пройти по старым железнодорожным путям, которые вели внутрь.

Это, конечно, было абсурдно.

В толпе раздалось объявление: «В связи с проблемой, которая произошла на Станции Хатиодзи, мы откладываем всю транспортную деятельность».

— Это мой единственный шанс!

Некие едкие чувства в глубине моего сознания побудили меня собрать мою силу и выкрикнуть это. Так или иначе мне придётся попасть в этот вестибюль. Зная о невозможности выполнения задачи передо мной, я пошёл к железнодорожному переезду.

Нацуки была особенной для меня.

Это было в четвёртом классе. Когда над мной ещё не издевались мои одноклассники, когда разрыв между девочками и мальчиками был не таким сильным. Я играл с Нацуки и кучей наших друзей после школы.

Это был тот день, когда мы встретили того мальчика.

Все мы были увлечены игрой в прятки, пока звонок не дал сигнал нам вернуться домой. Остальные дети ушли один за другим, пока не остались только Нацуки и я.

— Пойдем домой с воронами. ♪ ~ ♪ ~ □

Нацуки напевала эту часть песни.

Внизу на спортивной площадке была бейсбольная команда, которая до сих пор тренировалась. За ними присматривали взрослые, поэтому мы не могли просто пойти туда и заговорить с ними. Что касается людей, оставшихся на школьном дворе, кроме Нацуки и меня, то был только маленький мальчик, который играл сам с собой, и старик, который почему-то сидел на качелях.

Между нами сложилась неловкая атмосфера, поэтому я подтолкнул Нацуки, чтобы пойти домой. Это было тогда, когда старик на качелях поманил меня. Он казался подозрительным, но заботливым, и был одет как отец в свой выходной день... .. может быть, как учитель, вы могли бы сказать... и поэтому мы с Нацуки пошли к нему навстречу.

— Не могли бы вы поиграть с этим ребёнком, пожалуйста, — сказал он и указал на маленького мальчика. Затем он вытащил из своего портфеля два слитка шоколада.

— Я его отец, но я не знаю, как играть с ним.

Мы приняли шоколад без единого подозрения и подошли к мальчику.

— В какой ты классе?

— Во втором. Что вам нужно? — ответил он, поднимая камешки на школьном дворе, осматривая и складывая их. Мы узнали, что его зовут Такеру.

Нацуки присела на корточки рядом с ним.

— Такеру-кун, что ты делаешь?

— Изучаю.

— А-а, понятно.

Нам сказали играть с ним, но всё, что было, так это то, что Такеру продолжал играть сам с собой, Нацуки говорила с ним, а я бесцельно слонялся. Я не заметил, когда, но в какой-то момент старик встал и ушёл.

В конце концов, учитель подошёл и сказал нам идти домой. Мы ответили: «Я-я-я-ясно», — как два синхрониста. Уже темнело, и мне уже и вправду не терпелось вернуться домой.

— Но что мы будем делать с Такеру-куном? Куда пошёл его папа?

— Он пошёл домой. В любом случае, если мы не пойдем домой, наши родители сойдут с ума.

— Мы не можем просто оставить его здесь.

Пока мы обсуждали его судьбу, Такеру полностью игнорировал нас.

— Вы играете с Такеру?

Какой-то старик, которого я никогда не видел, подошёл к нам. У него была примерно такой же внешний вид, как у другого, но даже в свете сумерек я мог сказать, что это был не отец Такеру.

— Кто вы?

— Я пришёл, чтобы забрать Такеру. Пойдём.

— Нет! — Такеру бросил камни.

— Ты его знаешь? — спросили мы.

— Мой дядя, — ответил он.

— Пойдём домой, Такеру.

— Не хочу.

Я тут же подумал, что он пытается его похитить.

— Такеру, бежим! — я схватил руку Такеру и убежал.

Я крикнул Нацуки:

— Найди его папу!

Конечно, старик погнался за Такеру и мной. Поскольку он был взрослым, он был намного быстрее, но мы знали школьный двор, как свои пять пальцев. Пользуясь всеми переулками и скрытыми путями, мы спрятались от него.

Но у нас были наши пределы. Рядом с западным входом старик схватил меня за руку.

— Такеру, иди сюда.

— Не делай этого! Убегай!

Старик оттолкнул меня в сторону, и схватил Такеру. Он уходил с ним!

Именно тогда прилетела Нацуки с: «Хия!!», — и приведя старика. Позади неё был отец Такеру.

Когда я лежал там на земле, Нацуки предложил свою руку, спрашивая, в порядке ли я.

Ничего себе, подумал я. Нацуки была для меня мессией. Возможно, она запаниковала в тяжёлой ситуации, но у неё хватило смелости доставить о недоброжелательном нападении взрослому человеку.

Нацуки была потрясающей!

Однажды она, несомненно, станет прекрасным человеком.

В то время я уже начал тосковать по таким качествам моего брата как «совершенство» и «аккуратность». Я думал, что я тоже должен стремиться быть похожими на неё.

Она была таким же человеком, как и я.

У неё было такое же будущее, как и у меня.

С того дня Сугита Нацуки была для меня очень особенным человеком.

Я был так невыносимо обеспокоен Нацуки, что я бежал на полной скорости к железнодорожному переезду, но, когда я добрался до туда, там больше никого не было. Они все, вероятно, отправились на смотровую станцию. Добраться до переезда было лёгкой задачей для меня; добраться до платформы будет другая история.

Из-за всех беспорядков поезда были остановлены.

Я шёл по кювету, который пролегал параллельно рельсам, и заметил впереди некоторых пассажиров на платформе. Кто-то окликнул меня:

— Ты добрался сюда с дороги?

Все повернулись ко мне.

— На самом деле от железнодорожного переезда. Я пытался понять, могу ли я попасть в вестибюль таким способом...

Руки спустились с платформы и помогли мне подняться.

— Здесь нет возможности пройти.

Интересно почему же, я спустился по лестнице, чтобы разобраться, и сразу же понял. Проход между вестибюлем и лестницей был заблокирован ставнями. Кнопка, открывающая ставни на моей стороне, не срабатывала, когда я пытался нажимать на неё.

Вестибюль был хорошо и основательно опечатан.

Я огляделся в поисках решения, чтобы открыть ставни. Казалось, что вместо того, чтобы пытаться открыть гигантские ставни на входах Север-Юг, с 2-х метровыми лестницами будет проще.

Тем не менее, вещи на платформе, такие как стулья и мусорные баки, были крепко прикреплены к полу, и я ничего не мог встать и открыть ставни.

БУМ.

Огромный грохот сотряс здание.

Рефлексивно, я нырнул вниз и прикрыл голову.

Ставни начали трещать. Я услышал звук металла, разбившегося о металл.

Это был взрыв внутри!

БУМ. БУМ.

Когда раздались взрывы, система пожарной сигнализации начала сходить с ума. Взрыв должен был вызвать пожар. Люди на платформе спрыгнули на рельсы и направились к железнодорожному переезду.

На втором разе это стало более опасным.

Осталось немного времени.

Я беспокоился о Нацуки.

Я приложил мою руку к ставням, чтобы убедиться, что она не горячая, а затем прижал моё ухо к ним. Я мог услышать слабые крики за железными ставнями. Звук бега. Они пытались убежать? Мои уши встретились со звуком очередного взрыва.

— Нацуки!

Я сделал несколько шагов назад. Опустив голову, я побежал и врезался в них со всей силы. Они шумно застучали, но это всё. Дым вытекал из нижней части ставней. Там определённо происходит что-то страшное.

В очередной раз, я отступил и бросился к ставням. Опять же, мои бесплодные усилия не принесли ничего, кроме шума.

Я наклонился к тому месту, где выходил дым, и подавился дымом, слёзы лились из моих глаз.

Нацуки...

Ах, да. Перезагрузка, мне просто нужно перезагрузить...

Тем не менее, я знал из своего прошлого опыта, что простая перезагрузка без объяснения того, как исправить ситуацию в поезде, приведёт к тому же концу. Теперь нет смысла перезагружать, если я не нашёл времени, чтобы выяснить, когда именно я должен вернуться и что там делать.

Я собирался сдаться, когда услышал щелчок.

А? Подумал я, и посмотрел вверх. Ставни медленно скользнули вверх. Дым выскочил из отверстия. Я пополз, кашляя, вверх по лестнице.

Вход в турникет был густым от дыма, но я мог сказать, что он неуклонно расчищается. Главные ставни в вестибюль были открыты, как же хорошо.

Противопожарная команда растеклась внутрь прямиком из главных ставней.

— Нацуки! Нацуки! Где ты? — закричал я.

Внутренняя часть станции была в жалком состоянии. Были отмечены взрывов, разбросанные по всему сектору, и окна витрин в магазинах станции были разбиты в некоторых местах. Я мог видеть признаки того, что кто-то использовал огнетушитель. Я с облегчением увидел, что все пожары были потушены.

Все люди направлялись к выходу.

Я маневрировал в потоке людей, ища Нацуки.

— Юто!

Я почувствовал руку на моей руке и оглянулся через плечо. Это была Нацуки. Она говорила со мной, как всегда! Да, даже в такой ситуации я всё ещё очень беспокоился о том, что неудачное признание испортило нашу дружбу.

— Нацуки, тебе не больно, так?

Форма Нацуки побелела с правой стороны, но в остальном она казалась невредимой.

— Я в порядке! О, это тогда, когда я попыталась использовать огнетушитель. Сначала я не

была уверена, как использовать его, так что я разобралась в нем самостоятельно. У него довольно-таки мощный воздуховод.

— Почему ты разбиралась с огнетушителем?

— Взрыв был рядом со мной, и вспыхнул пожар. Я была окружена маленькими детьми, поэтому...

— Это очень рискованно.

— Ну... супергерой спасет детей.

— Да, это правда. Это действительно то, что ты бы сказала.

Супергерой, любимица Нацуки, определённо сделает то, что сделал бы герой на её месте.

— Не говори никому об этом, хорошо? — она показала мне язык.

Я бы и не подумал, но мне думается, она не хотела, чтобы другие знали, что она такая супергерой-отаку.

Были некоторые вещи, в которых не было никакого смысла, и со временем меня всё больше охватывало беспокойство. Закрылись ли просто ставни, или же всё было спланировано кем-то? И если бы это было просто несчастным случаем, то каким образом они закрылись? В новостях также упоминалась эта проблема.

Той ночью я послал сообщение Нацуки.

"М-да уж, все говорили об инциденте."

"Ага. Если я скажу своим друзьям, что я была там, то они будут приставать ко мне, чтобы рассказать им подробности."

Ура, Нацуки говорила со мной, как обычно.

Я осознал после 3000 признаний, что я, романтически говоря, в конечном счёте, был не её

типажом. Несмотря на это, я всё ещё хотел, чтобы она знала, что я любил её.

Вот почему я решил не возвращаться до признания.

Это нормально, просто получить отказ и продолжить свою жизнь в старшей школе, разве не так?

Это были мои мысли.

"Ну, я рад, что ты не пострадала."

"Спасибо."

Именно это «спасибо» может означать тысячу разных вещей.

Всё в ажуре, сказал я себе, когда я закрыл глаза и заснул.

Ещё одна вещь, которую я хочу сказать об этом дне.

Я рассказал моему брату всё о событиях того дня. Тот факт, что, хотя моё признание было провальным, я всё равно дружил с Нацуки. И всё, что произошло на станции.

Значит, физически ты не был на месте, верно, Юто?

К тому времени, когда мне удалось попасть внутрь, всё закончилось.

"Ясно... Я рад, что вы двое не пострадали."

Да, я тоже.

Сегодня наш замечательный выпускной ♪

На мгновение я немного рассмеялся.

Трое из нас наконец-таки покинули гнездо, так сказать.

Сю был неожиданно популярен среди младшекласниц, поэтому кучка девушек требовала, чтобы он отдал свою пуговицу, но он отказал им всем.

Ради воспоминаний, я подготовил свою пуговицу и положил её в карман, но никто не попросил у меня её.

Так значит вот оно как? ... Я почувствовал укол сожаления. Но недостаточно сожаления, чтобы перезагрузить.

— Юто, давай сделаем фото! — позвала меня Нацуки. Только в сегодняшний день они позволяют всем выпускать иметь при себе свои мобильные телефоны, так как ребятня хотела оставить воспоминания в фотографиях.

Нацуки, Сю и я встали вместе и дружно сфотографировались на каждом из наших мобильных телефонов. Было бы хорошо взять одну фотографию и перекинуть её другим, но это было слишком хлопотно.

Я бы не прочь прожить этот момент бесчисленное количество раз.

На фотографии в моём телефоне были самые радостные выражения, которые я когда-либо видел, когда трое из нас носили.

Мы шли в ту же старшую школу.

Нас несомненно ждала замечательная школьная жизнь. Я чувствовал, что растут мои предвкушения.

Я не сомневался, что у меня будет блестящее время в старшей школе.

<http://tl.rulate.ru/book/6820/130163>